
Общие вопросы психологии

**АРХЕГЕНИЯ И ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ
КАК БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ЭМИГРАЦИОННЫХ
НАМЕРЕНИЙ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ**

С. В. Фролова, А. В. Сухарев, В. А. Петрухина

С позиций принципа исторической актуальности¹ предмет той науки, которая является базовой² для новой парадигмы, должны составлять представления и явления, которые наиболее остро переживаются в данном обществе, культуре, цивилизации. Исследователями конца XX в. (с 70-х гг.) отмечалось нарастающее значение, которое приобрела в науке и обществе в целом этничность и всё с ней связанное³. В настоящее время данный факт признаётся не только специалистами-этнологами, но и политиками, общественными деятелями. Сегодня в условиях современного кризиса культуры⁴, который вследствие технологического прогресса является действительно общечеловеческим, наступает период разочарования в искусственно созданных глобалистских системах — коммунистических, рыночных и пр., — отдающих дань романтическим увлечениям прошедших эпох, и человек обращается к самым древним, естественным ценностям, которые можно выразить краткой формулой Ю. В. Бромлея: «Человечество — это народы»⁵.

Технологический прогресс, коснувшийся всех народов нашей планеты, крайне обострил восприятие явления «смешения народов», которое в той или иной мере происходило в прошедшие кризисные исторические эпохи⁶. Применительно к психике человека историческая актуальность, уникальность современной эпохи заключается, таким образом, в *непревзойдённой доньне степени и глобальности «вавилонского столпотворения»* народов или их признаков *этносреды* (культурных, расовых, природных, трансцендентных и пр.) как «в одной голове», так и в обществе. Поэтому «этническая парадигма» в современном мире модифицируется в более широкую «*этнофункциональную парадигму*», основывающуюся не на этнологических «типах», а на этнической функции всего многообразия различных этнических признаков — на *принципе этнофункциональности*. Данный принцип основан на учёте влияния этноинтегрирующей и (или) этнодифференцирующей функций каждого материального, психического или духовного (трансцендентного) элемента на поведение человека, общества и на природу в целом. Рассмотрение единства человека, природы и духовного (трансцендентного) мира на основе системообразующего принципа этнофункциональности позволило получить ряд новых, часто парадоксальных результатов⁷. Очевидно, что принцип этнофункциональности, по сравнению с «жёсткими» типологическими подходами в этнологии и этнопсихологии, является гибким теоретическим инструментом «тонкой дифференциации», с помощью которого возможно учитывать этническую специфику личности и обществ в современных мегаполисах и в этнических изолятах «на краю ойкумены».

В соответствии с принципом исторической актуальности учёт временно́го параметра требует введения новой философской предпосылки. Специфика первоначальных основ европейского мышления и мировоззрения, вне сомнения, заключается в духе античности и прежде всего в платоновском соотношении образа («вещи») и его идеального прообраза, «эйдоса», как «предела становления вещи»⁸. Однако понятие «эйдоса» статично и лишено характеристик, присущих времени, развитию. В принципе представление о развитии было присуще античному мирозерцанию: исследуя представление о развитии в античности, А. Ф. Лосев приходит к заключению, что развитие понималось как бесконечный процесс возвращения к изначально заданному идеалу⁹. Таким образом, представление о развитии было неразрывно связано с представлением об идеале. Но всё же в античности не было категории развития. Попытки категоризации появились в европейской философии в связи с влиянием христианской эсхатологии и рассматривались как в отношении природы, так и человека (Шеллинг, Гегель). В частности, в европейской философии Нового времени Ф. Шеллинг определяет природу как «видимый дух», а дух — как невидимую природу; с его позиций, она является всецело идеальной. Человеческая история, по Шеллингу, представляется, во-первых, как отпадение от центра (искажение духа), а во-вторых, как возвращение к нему¹⁰.

Для преодоления противоречия между представлением о развитии в природе и развитии человека А. В. Сухаревым было введено понятие *архегении* как идеального прообраза развития, определяемого как предел становления данного развития (по аналогии с определением эйдоса) и как «естественное развитие». Архегения отдельной этносреды для человека в определённом приближении может быть представлена как система образов, в которой составляющие её образы являются проекциями идеального прообраза данной этносреды. Смещение проекций различных идеальных прообразов этносред, понимаемое в соответствии с Библией как «вавилонское столпотворение» в душе человека или в обществе, проявляется в различных бедствиях — природных, социально-культурных, душевных, нравственных.

Синтезом пространственных и временных характеристик новой парадигмы, в связи со сказанным, является представление об идеальном прообразе развития человека, общества, этносреды в целом. Представление об этнофункциональной архегении даёт возможность системного анализа этносреды, в которую погружён субъект, — мира природы, социокультурного (психического) и духовного (трансцендентного). В частности, в русской (и, далее, российской) этносреде, по аналогии с выводами А. Ф. Лосева о развитии античного мифа, наиболее древними ведущими представлениями можно считать образы природных стихий и явлений (фетишизм), затем анимистические представления о духах природы, далее — героические представления о борьбе человека с духами и богами, потом христианские представления, идеи Просвещения и пр. Ряд экспериментальных исследований подтверждает плодотворность использования представления об этнофункциональной архегении в различных отраслях психологии (воспитание, обучение, психопрофилактика, коррекция), психиатрии и психотерапии и пр.¹¹

По статистическим данным с 1989 по 2002 гг. из России выехало примерно 5,4 млн человек, причём возрастная структура эмигрантов сдвинута в сторону более ранних возрастов¹². Поэтому целью эмпирического исследования явилось изучение этнофункционального аспекта образования эмиграционных намерений современных студентов. Предполагалось, что этнофункциональные особенности образования эмиграционных намерений в современной социальной ситуации связаны с системой ценностей и отношений личности, в частности с отношением к социокультурным и климато-географическим этническим признакам, а также с эмоционально-когнитивным следом переживания образов сказочно-мифологического аспекта культуры своего народа.

В исследовании применялся следующий инструментарий: метод структурированного психологического этнофункционального интервью А. В. Сухарева¹³; методика Е. Б. Фанталовой «Ценность–Доступность»¹⁴, анкетирование. В исследовании приняли участие 152 студента (21 юноша и 131 девушка) в возрасте от 19 до 21 года, обучающихся по специальностям «психология», «история», «математика», «сервис и туризм». Математико-статистический анализ полученных данных осуществлялся с помощью метода непараметрической статистики — критерия φ^* Фишера — и параметрической статистики — t -критерия Стьюдента.

Все исследуемые студенты были распределены по трём группам: 1 группа — желающие постоянно жить и работать за рубежом; 2 группа — желающие постоянно жить и работать в России; 3 группа — желающие постоянно жить в России с возможностью учиться или работать за рубежом. Наиболее многочисленной группой оказалась группа с эмиграционными намерениями постоянного проживания за рубежом. Наименьшую по численности группу составили студенты с отрицательным отношением к эмиграции (см. Таблицу).

Соотношение групп студентов с различным отношением к эмиграции

Всего человек	152	100%
1. Хотят постоянно жить и работать за рубежом	79	52%
2. Хотят постоянно жить и работать в России	34	22,3%
3. Хотят постоянно жить в России с возможностью учиться / работать за рубежом	39	25,7%

Для многих студентов, желающих уехать за рубеж, эмиграционные намерения носят оттенок мечты, поскольку лишь немногие из них предпринимают конкретные шаги для реализации своих намерений. Так, только 52% потенциальных эмигрантов владеют иностранным языком выбранной страны. Остальные же 48% не владеют иностранным языком в достаточной мере и не пытаются его изучать. В качестве потенциальных стран-реципиентов для постоянного жительства указаны 20. Шестёрку лидеров представляют следующие: Франция (23%), США (16%), Германия (16%), Испания (16%), Англия (12%), Италия (12%).

Большинство принявших в исследовании студентов составляли девушки. Для того чтобы проверить, не имеет ли выявленное распределение по трём основным группам с различным отношением к эмиграции гендерной специфики, дополнительно анализировалась представленность юношей и девушек во всех трёх группах. При помощи φ^* — критерий Фишера удалось установить, что не существует достоверных гендерных различий в отношении к эмиграции. Наиболее значимо различающимся и, соответственно, с наиболее высокой степенью достоверности определяющим решением о постоянном эмиграционном намерении является отношение к климато-географическому фактору этносреды. В группе с постоянными эмиграционными намерениями климато-географические условия другой страны отмечаются как более предпочтительные ($t = 4,64$; $p < 0,05$).

В группе студентов, у которых отсутствуют эмиграционные намерения, в качестве первых воспринятых в детстве сказок достоверно чаще, чем в группах с эмиграционными намерениями, выбираются русские народные сказки ($\varphi^* = 3,14$; $p = 0,00$). Реже всего русские народные сказки выбираются в группе студентов, которые хотят постоянно жить за рубежом ($p \leq 0,01$). В группе с «временными» эмиграционными намерениями русские народные сказки выбираются также реже по сравнению с группой отрицательного отношения к эмиграции, хотя уже с меньшим уровнем статистической значимости ($\varphi^* = 1,72$; $p \leq 0,043$). Студенты с намерениями постоянной эмиграции в качестве первых воспринятых в детстве сказок наиболее часто отмечают авторские сказки, что достоверно отличает их от студентов с отсутствием эмиграционных намерений ($\varphi^* = 1,73$; $p \leq 0,042$). Различия обнаружены и в характере выбираемого эмоционально притягательного сказочного персонажа. Представители группы с постоянными эмиграционными намерениями значительно чаще, чем представители группы без эмиграционных намерений, идентифицировали себя в дошкольном возрасте с героями зарубежных авторских сказок ($\varphi^* = 1,88$; $p \leq 0,03$).

Решению о намерении безвозвратной эмиграции по сравнению с решением о временной эмиграции с наиболее высокой степенью достоверности чаще всего сопутствует предпочтительное отношение к климато-географическому фактору этносреды страны желаемой эмиграции. Таким образом, возникновение эмиграционных намерений в современной социальной ситуации связано с системой отношений к этническим факторам, в частности отношением к социокультурным (сказочно-мифологическим) и климато-географическим этническим признакам. Действие экономического фактора является внешним объективным условием и чаще всего является лишь мотивировкой в принятии решения об эмиграции.

Образование эмиграционного намерения в юности сопряжено также с дефицитом восприятия сказок своего народа в детском возрасте. По характеру и содержанию сказки своего народа архетипичны, укоренены в глубоких слоях коллективного бессознательного и являются этнофункционально согласованными с этносредой рождения и проживания. Эмиграционным намерениям в юности часто предшествовали идентификации в дошкольном возрасте с героями зарубежных авторских сказок, не содержащих преемственности и связи с историей и духом своего народа

и более открытых для содержания этнофункционально рассогласованных образов с регионом рождения и проживания.

Включение человека в родную культуру, язык, усвоение присущих данной культуре традиций, мировоззрения и мироощущения способствует оптимальной степени этнокультурной идентичности. Традиции, предания, сказки Г. Г. Шпет называл выражением «духовной коллективности» народа¹⁵. Существует подход к рассмотрению сказки как архаической социокультурной программы, содержащей необходимый минимум информации о взаимодействии субъекта и мира, влияющей на последующее восприятие человеком жизненных реалий и самого себя и реагирование в эмоционально напряжённых ситуациях¹⁶.

Полученные нами данные позволяют заключить, что когнитивно-эмоциональный след от содержания этнофункционально согласованных народных сказок, воспринятых в раннем детстве, связан с отсутствием эмиграционных намерений в юношеском возрасте. В группе студентов, у которых отсутствуют эмиграционные намерения, в качестве первых воспринятых в детстве сказок достоверно чаще выбираются русские народные сказки. Реже всего русские народные сказки выбираются в группе студентов, которые хотят постоянно жить за рубежом. Студенты, у которых присутствуют эмиграционные настроения, в детстве слушали больше авторские сказки.

Частота выбора русских народных сказок в группе с временными эмиграционными намерениями занимает промежуточное положение между группой с отсутствием эмиграционных намерений и группой с намерениями безвозвратной эмиграции, причём разница между всеми тремя группами статистически значимая. В связи с этим можно говорить, используя понятие, введённое А. В. Сухаревым, о меньшей степени выраженности этнофункциональной психической анархегении (т. е. степени отклонения от идеального естественного образа развития, соответствующего этносреде рождения и проживания)¹⁷ лиц с временными эмиграционными намерениями по сравнению с лицами, у которых образуются намерения постоянной эмиграции. Опираясь на экспериментальные данные о связи когнитивно-эмоционального следа от содержания авторских и этнофункционально рассогласованных сказок, воспринятых в раннем возрасте, с проявлением психической дезадаптированности в более позднем возрасте¹⁸, можно говорить о возрастании риска психической дезадаптированности для лиц с эмиграционными намерениями.

Различное отношение к эмиграции связано также с характером выбираемого в детстве эмоционально притягательного сказочного персонажа. Представители группы с постоянными эмиграционными намерениями значительно чаще, чем представители группы без эмиграционных намерений, идентифицировали себя в дошкольном возрасте с героями зарубежных авторских сказок. На ранних стадиях развития дети идентифицируют себя с теми аспектами окружающей среды, которые производят на них наибольшее впечатление¹⁹. Необратимые идентификации детства могут препятствовать развитию собственной идентичности индивида в юношеском возрасте. В. Ю. Хотинец показала, что успешное развитие идентичности

в раннем юношеском возрасте зависит от приобщения к культурным ценностям своего народа²⁰.

В ходе предпринятого исследования подтвердилось предположение о том, что этнофункциональные особенности образования эмиграционных намерений в современной социальной ситуации связаны с системой ценностей и отношений личности, в частности с отношением к социокультурным и климато-географическим этническим признакам, а также с эмоционально-когнитивным следом переживания образов сказочно-мифологического аспекта культуры своего народа. Эмиграционные установки значительно чаще присутствуют в жизненных стратегиях студентов, что приближается к некоей типичной ситуации, с которой сталкивается современное российское общество. Для многих потенциальных эмигрантов их намерение не переходит в реальные действия, усиливая степень неудовлетворённости своим настоящим положением и, соответственно, повышая риск социально-психологической дезадаптированности данной группы студенчества.

Условием возникновения эмиграционного намерения также выступает переживание когнитивно-эмоционального следа от содержания воспринятых в раннем детстве сказочно-мифологических образов культуры. Возникновение эмиграционного намерения в юности сопряжено с дефицитом восприятия и переживания сказочно-мифологических образов культуры своего народа в детском возрасте. В качестве первых услышанных в детстве сказок студентами с эмиграционными намерениями значительно реже, чем другими, отмечаются сказки своего народа, архетипические по своему содержанию и этнофункционально согласованные с этносредой рождения и проживания. Эмиграционному намерению значительно чаще предшествуют идентификации в детстве с героями зарубежных авторских сказок, не содержащих преемственности и связи с культурными особенностями своего народа и этнофункционально рассогласованных с регионом рождения и проживания.

¹ Сухарев А. В. Опыт преодоления методологического кризиса: принцип исторической актуальности и этнофункциональная парадигма в психологии // Мир психологии. 2009. № 3 (59). С. 123–132.

² Шихирев П. Н. Эволюция парадигмы в современной социальной психологии: дис. ... д-ра психол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1993.

³ Сусоколов А. А. Структурные формы самоорганизации этноса // Расы и народы. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1990. Вып. 20. С. 5–40.

⁴ Давыдов Ю. Н. Кризисное сознание // Современная западная социология. М.: ИПЛ, 1990. С. 227–228.

⁵ Брамлей Ю. В., Подольный Р. Г. Человечество — это народы. М.: Мысль, 1990.

⁶ Сухарев А. В. Психологический этнофункциональный подход к психической адаптации человека: дис. ... д-ра психол. наук. М.: ПИ РАО, 1999.

⁷ Сухарев А. В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Ин-т психологии РАН, 2008.

⁸ Платон. Соч. М.: Мысль, 1970. С. 505.

⁹ Лосев А. Ф. Античная философия истории. М.: Наука, 1977.

-
- ¹⁰ *Коплстон Г.* От Фихте до Ницше. М.: Республика, 2004.
- ¹¹ *Сухарев А. В.* Этнофункциональная парадигма в психологии. Указ. соч.
- ¹² *Зайончковская Ж. А.* Эмиграция в дальнее зарубежье // Мир России. 2003. № 2. С. 147.
- ¹³ *Сухарев А. В.* Этнофункциональная психология в воспитании, психотерапии и психопрофилактике. М.: Изд-во «ЭКО», 2004. С. 56–64.
- ¹⁴ *Фанталова Е. Б.* Об одном методическом подходе к исследованию мотивации и внутренних конфликтов // Психол. журн. 1992. Т. 13, № 1. С. 107–117.
- ¹⁵ *Шпет Г. Г.* Психология социального бытия / под ред. Т. Д. Марцинковской. М.: Изд-во «Ин-т практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. С. 361.
- ¹⁶ *Сапогова Е. Е.* Культурный социогенез и мир детства: Лекции по историографии и культурной истории детства. М.: Академ. проект, 2004. С. 445–487.
- ¹⁷ *Сухарев А. В.* Этнофункциональная психология в воспитании... С. 8.
- ¹⁸ *Сухарев А. В.* Этнофункциональная парадигма в психологии. Указ. соч.
- ¹⁹ *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Издат. группа «Прогресс», 1996. С. 169.
- ²⁰ *Хотинец В. Ю.* Психологические характеристики этнокультурного развития человека // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 71.